

Глава 15. Разведка в уезде

Выйдя из лечебницы с травами, Е Ишу нашёл отца в зерновой лавке. Сегодня было много желающих продать зерно, и очередь до отца дошла только сейчас. Помощник из лавки подошёл, чтобы взвесить мешки, и Е Ишу, отдав лекарства матери, стал вместе с отцом следить за весами.

В этом году урожай был хорошим. Из двенадцати му поливных земель десять были высшего качества и дали по три даня с му, а два му среднего качества — по два даня. Всего с двенадцати му собрали тридцать четыре даня.

В династии Дацю налоги включали поземельный налог, подушную подать и трудовую повинность. Поземельный налог составлял одну десятую урожая. Кроме того, приходилось доплачивать за усушку и утруску, то есть возмещать потери зерна от птиц и мышей во время хранения. С каждого даня доплачивали по три шэна. Подушную подать платили все взрослые мужчины и женщины от пятнадцати до шестидесяти лет — по сто двадцать вэней в год. Незамужние женщины и гээр старше пятнадцати платили вдвойне.

Только с девяти человек семьи Е, не считая Доумяо и Цзиньбао, приходилось платить девятьсот шестьдесят вэней, то есть почти один лян подушной подати. Подать можно было платить деньгами или зерном. При цене зерна от четырёх до пяти цяней за дань, в среднем четыреста пятьдесят вэней, семье Е нужно было отдать два даня зерна, плюс шесть шэнов за усушку. Вместе с поземельным налогом получалось больше пяти даней и шести доу.

Из оставшихся двадцати восьми даней зерна семья Е оставляла себе восемнадцать даней на пропитание, а десять даней постепенно продавала в городе. Это приносило около пяти лянов серебра. Это был доход только с поливных земель. С десяти с лишним му горных земель, где раньше рос рапс, а теперь почти созрели соевые бобы, семья Е за год получала от пятнадцати до двадцати лянов. Кроме того, в хозяйстве было две свиньи. Одну с половиной обычно продавали, а половину оставляли себе. Это приносило ещё почти десять лянов.

На первый взгляд, семья Е казалась зажиточной, но в семье было много народу, и годовые расходы составляли около двадцати с лишним лянов. Е Ишу как-то прикинул, сколько денег у его бабушки. Если бы она не отдала те двадцать лянов младшему дяде, у неё должно было быть тридцать четыре лян.

Продав зерно, Е Чжэнкунь получил деньги от счетовода. Зерно ему приходилось возить в город самому, а десять даней риса за один раз было не увезти. Осторожно убрав более одного лян, он спросил у сына, сколько стоили лекарства. Е Ишу сказал правду, и у обоих родителей от жалости скривились лица. Целый год каторжного труда, а вырученных за зерно денег хватило всего на несколько доз лекарства.

— Денег всех не заработаешь, главное — здоровье, — сказал Е Ишу. — Мама, мне нужно съездить в уезд, я пошёл.

— Будь осторожен, — напутствовала его Ши Пулю.

Но они и сами спешили к свахе, поэтому долго с сыном не разговаривали. Е Ишу бросил «понял» и ушёл.

***

Дорога в уезд была долгой, пешком пришлось бы идти до самого вечера. Он подошёл к обозу, который вёз зерно в уезд, и спросил, не подвезут ли. Чтобы подзаработать, они часто брали попутчиков. Обоз как раз собирался отправляться, и Е Ишу, заплатив десять вэней, сел в повозку.

В их городке была всего одна зерновая лавка, которая скупала зерно. Говорили, она принадлежит какому-то богатому купцу из столицы префектуры, неудивительно, что у них были лошади для перевозки.

Лошади бежали быстро, и дорога заняла почти вдвое меньше времени, чем на воловьей телеге его учителя. Через час они уже были на месте. Въехав в город, Е Ишу соскочил с повозки и заплатил.

Сделав пару шагов по пыльной уездной дороге, Е Ишу услышал, как заурчало у него в животе. Он поднял голову и посмотрел на солнце, стоявшее в зените. Время обедать.

Теперь в семье Е ели два раза в день. Утром они ушли, не позавтракав. Родители, должно быть, продав зерно, вернутся домой и пообедают. Е Ишу потёр живот и нашёл ближайшую лавку с баоцзы.

— Господин, баоцзы с сахаром, с мясом, с овощами, свежеспечённые, желаете?

— Почём? — спросил Е Ишу.

Хозяин лавки с улыбкой быстро назвал цены:

— С сахаром и с мясом — по пять вэней, с овощами — по три.

Е Ишу развернулся и ушёл. Цены в уезде были просто заоблачные. Белый рис стоил всего пять вэней за цзинь.

— На один баоцзы денег нет, что ж он в уезде собирается есть, — пробормотал вслед ему хозяин лавки.

Е Ишу нашёл тот ларёк, куда его когда-то водил учитель, заказал миску вонтонов и быстро поел.

— Что, гээр, один в уезд приехал? Учителя твоего не видно? — спросили его хозяева ларька, пожилая пара, которая торговала здесь уже несколько десятков лет. Их бизнес процветал благодаря справедливым ценам и щедрой начинке в вонтонах.

— Я не с учителем, — ответил Е Ишу, отсчитав десять вэней и положив их на стол.

Старики забрали деньги, а Е Ишу направился напрямик в Цзидэ-тан. В этой лечебнице всегда было полно народу, а сегодня — особенно. Е Ишу объяснил ученику аптекаря, зачем пришёл, и тот провёл его на задний двор.

Он уже не в первый раз продавал здесь травы, и обе стороны были честны друг с другом. Змея пролежала ночь, поэтому цену немного сбавили, но он всё равно выручил за неё один лян и четыре цянтя серебра, почти окупив сегодняшние расходы на лекарства.

Продав змею, Е Ишу в сопровождении ученика вышел. Проходя через главный зал, он вдруг услышал, как ученик выкрикнул чьё-то имя. В лечебнице на мгновение воцарился хаос, больные заблокировали проход. Дверь одного из кабинетов открылась, пациент вышел, и взору Е Ишу предстал мужчина в синей одежде.

Он сидел боком, худой, с холодным взглядом. Е Ишу не ошибся тогда: этот человек и вправду был похож на одинокого журавля, отстранённого и холодного. Но почему-то при встрече он всегда был таким мягким.

Е Ишу медленно моргнул.

— Господин? Господин?

Он очнулся и, кивнув ученику, который уже навёл порядок, широкими шагами вышел из лечебницы. В тот момент, когда он переступил порог, человек в кабинете, будто что-то почувствовав, обернулся, но увидел лишь взметнувшиеся тёмные волосы и край развевающейся красной одежды.

Вошёл следующий пациент. Сун Чжэньцзинь отвёл взгляд. Сегодня, заказав в городе травы, он сразу же поехал в уезд. Сегодня было двадцать третье июля. В дни, заканчивающиеся на три, шесть или девять, в часы У и Вэй он принимал в лечебнице.

— Садитесь, пожалуйста, — кивнул он слегка нервничающему пациенту. Голос его, словно треснувший лёд, был холодным, но приятным на слух.

Постоянные посетители Цзидэ-тана знали, что доктор Сун — искусный лекарь с приятной

внешностью, но с колючим, холодным характером. Те, кто шёл к нему на приём, невольно напрягались и робели. Но его мастерство было настолько велико, что обычно хватало двух визитов для полного излечения, поэтому желающих попасть к нему было много.

Говоря о его холодности, ходили слухи. Когда доктор Сун только начал принимать в лечебнице, в него влюбилась одна девушка из уезда. Она притворялась больной, чтобы привлечь его внимание, но в итоге была так уколота его словами, что выбежала в слезах. После этого и другие, кто пытался повторить её трюк, были отпугнуты его холодностью. Даже владелец Цзидэ-тана говорил, что с таким характером доктор Сун обречён на вечное одиночество. Но всё это были лишь досужие сплетни, в самой лечебнице никто не смел так говорить.

***

Выйдя из лечебницы, Е Ишу не спешил возвращаться. Он ещё дома решил найти способ заработать. В уезде возможностей было больше, и он решил осмотреться. Все знают, что крестьянский труд — самый неблагодарный. Охота немного лучше, но очень опасна. Е Ишу учился боевым искусствам у своего учителя, чтобы укрепить тело и не давать себя в обиду. А охотился он просто потому, что любил мясо.

Что касается заработка, то лучше всего — торговля. Но чем именно торговать, он пока не решил. Поэтому нужно было больше смотреть и спрашивать, провести, так сказать, исследование рынка.

Денег у него было немного. Он обошёл окрестности и выяснил, что аренда самой дешёвой лавки стоит не меньше двадцати-тридцати лянов в год. Дешевле было арендовать место для ларька. Цены разнились в зависимости от улицы и расположения. Самые дешёвые стоили несколько вэней, а самые дорогие — несколько десятков, а то и сотен.

Торговали разным. Едой: сладкими супами, тофу-пудингами, баоцзы и маньтоу, сухими лепёшками. Игрушками: плетёными безделушками, бумажными змеями. Предметами быта: зонтами, веерами.

У Е Ишу не было особых талантов, единственное, чем он мог похвастаться, — это знанием нескольких рецептов. Увидев, как у ларька с ароматной едой выстроилась целая очередь, Е Ишу кое-что для себя решил. Чтобы быстро привлечь клиентов при небольших затратах, лучше всего начать с еды. А выбор блюд для небольшого ларька был огромен.

Размышляя, он пошёл на юг. Южная часть города была не такой богатой, как северная, но здесь было больше народу. На улице Сяоши, где собирался всякий сброд, он бывал редко. Но за ней начиналась улица Чэнхуан, которая, в свою очередь, переходила в улицу Юйдэн с её рыбным рынком. Здесь всегда было шумно илюдно, повозки с трудом могли проехать.

В конце улицы Чэнхуан, за главной улицей Чжанчжэн, начиналась улица Цзиньсянь, где находилась уездная школа. По прошлому опыту он знал, что на учениках можно хорошо заработать. Он решил пойти посмотреть, что там.

Но, не успев свернуть с улицы Сяоши на улицу Чэнхуан, он вдруг увидел знакомую фигуру, вывалившуюся из борделя. На улице Сяоши было всё: игорные дома, бордели, цирки, театры, чайные... Атмосфера была самая что ни на есть простонародная. Бордели обычно открывались вечером, и сейчас фонари в них были потушены, так что нельзя было представить, какой разврат здесь творится по ночам.

Е Ишу остановился и, скрестив руки на груди, уставился на мужчину, который пьяно рухнул на ступеньки. Это был его младший дядя. Неудивительно, что его не было дома последние несколько дней, — он развлекался здесь. И развлекался уже не первый день. Наверняка бабушка, не выдержав его нытья, снова дала ему денег.

При этой мысли взгляд Е Ишу похолодел. Его отец надрывался, зарабатывая деньги, а дядя их проматывал. Он криво усмехнулся: интересно, что скажет его младшая тётушка, когда увидит это. Е Ишу закрыл глаза и решительно пошёл прочь. Это не его дело. Он уже знал, на что способен его дядя. Даже если он устроит скандал, бабушка всё равно будет давать деньги. В пятнадцать-шестнадцать лет он уже пытался с этим бороться, но тогда лишь окончательно убедился в пристрастности своих деда и бабушки и охладел к ним.

А стоит ли говорить тёте... это будет зависеть от её поведения.

Е Ишу потратил час, чтобы обойти все места в уезде, где можно было торговать едой, и решил обдумать всё дома. Возвращаться было долго, а попутной повозки уже не было. За место в специальной повозке, запряжённой ослом, нужно было платить двадцать пять вэней, да и та отправлялась только после того, как набиралось достаточно пассажиров. А сейчас там не было ни одного человека. Е Ишу прикинул, сколько ему придётся идти пешком, и, решив не ждать, вышел из города. Если по дороге попадётся телега, идущая в его городок, он сможет попроситься, а это всяко лучше, чем стоять здесь и ждать.

<http://bllate.org/book/13660/1583521>